

Н. А. КАЗАКОВА, Л. Г. КАТУШКИНА

Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана

(Перевод письма Максимилиана Трансильвана)¹

В специальных работах, касающихся вопроса о распространении в России сведений о великих географических открытиях,² принято считать, что первое известие о них встречается в древнерусской письменности в сочинениях Максима Грека. В «Сказании отчасти недоуменных неких речений в слове Григория Богослова» Максим Грек сообщает, что португальцы и испанцы во время своих плаваний «нашли островов много, иных убо обитаемых людьми, а иных пустых, и землю величайшу, глаголемую Куба, ея же конца не ведают тамо живущей. Нашли же еще, обшедше около всю южскую страну даже до востока солнца зимнаго ко Индии острови семь, Молукиди нарицаемых, в них же родится и корица и гвоздики и ины благовонные ароматы».³ Говоря об открытии Молуккских островов, Максим Грек имел в виду, вероятно, не посещение их экспедицией Магеллана, а первое проникновение на острова европейцев — португальцев, достигших Молуккских островов в 1512 г., плывя по проторенному пути вокруг Африки в Индию (как пишет Максим Грек «обшедше всю южскую страну . . . ко Индии»). Известие Максима Грека о выдающихся географических открытиях его времени представляет собой, очевидно, краткую запись по памяти тех сведений о них, которые Максим Грек собрал в Италии и Греции. То обстоятельство, что, сообщая о великих географических открытиях, Максим Грек останавливается лишь на двух — открытии Америки и Молуккских островов — и тем самым как бы приравнивает оба события, объясняется большим значением, какое придавали его современники открытию Молуккского архипелага: Молуккские острова считались родиной пряностей, а пряности были товаром, ценившимся в Европе почти на вес золота.

Следующее, опубликованное и давно вошедшее в научный оборот известие древнерусской письменности о Молуккских островах относится к бо-

¹ Вступительная статья написана Н. А. Казаковой и Л. Г. Катушкиной, текст перевода подготовлен к печати Н. А. Казаковой, примечания к тексту составлены Л. Г. Катушкиной (в примечаниях указываются современные географические названия и сообщаются краткие сведения об упоминаемых в тексте лицах).

² См.: Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1949, стр. 72—74; А. Yarmolinsky. Russian Americana. Sixteenth to Eighteenth Centuries. New York, 1943.

³ Сочинения Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, стр. 44—45. Известие это датируется 30—40-ми годами XVI в., так как Максим Грек говорит, что плавания испанцев и португальцев начались лет 40 или 50 назад «по совершении седмья тысящи» (после 1492 г.). — Там же, стр. 44.

лее позднему времени. В напечатанных А. Поповым статьях Хронографа редакции 1617 г. после статьи «О островах диких людей, коих немецкие люди называют Новый свет, или четвертая часть вселенная», содержащей описание путешествий Колумба, следует статья «О иных походах и о Америке», в которой вслед за кратким известием о путешествиях Америго Веспуччи читается также краткое сообщение о том, что мореплаватели достигли островов «Молюцкие земли», и дается описание (очень лаконичное) пяти Молуккских островов и произрастающих на них пряностей.⁴ А. Попов указал, что источником названных статей Хронографа 1617 г. является «Всемирная хроника» известного польского хрониста XVI в. Мартина Бельского, перевод которой на русский язык был сделан в 1584 г.⁵ Хронограф — памятник, пользовавшийся широкой популярностью и дошедший в большом количестве списков, знакомил русского читателя XVII в. с главной целью путешествия Магеллана — Молуккскими островами, но о самом Магеллане и его плавании не сообщал ни слова.

Сведения о них читаются в другом изданном памятнике XVII в. — «Космографии» 1670 г. В главе 69 «Космографии», «Индии ж восточной, о островах особных, которые Малюке именуются» при описании Молуккских островов сообщается, что во времена испанского короля Карла до них доплыл с запада «Фердинанд Магеланицкий» и что из пяти кораблей Магеллана в Испанию возвратился лишь один.⁶ В главе 75 «О Америке полуденной» в разделе «Царство Патагоииум» читается известие о том, что в Патагоии, простирающейся «от полуденныя страны до устья Магеланицкого», Магеллан нашел «исполинов». В следующей 76 главе «О узчине Магеланицкой» помещен рассказ о событиях экспедиции Магеллана при приближении к проливу Магеллана и плавания через него: гибели одного из кораблей, бегстве части экипажа на другом корабле, трудностях плавания, множестве огней, наблюдаемых участниками экспедиции на берегу вновь открытой земли.⁷ В основу «Космографии» 1670 г. была положена «Космография» 1637 г.,⁸ откуда были заимствованы и главы, содержащие сведения о Магеллане.⁹ «Космография» 1637 г. представляет собою перевод знаменитого «Атласа» фламандского географа Меркатора, труда, подводившего итог развитию европейской географической мысли XVI в. (первое полное издание «Атласа» Меркатора вышло в Амстердаме в 1606 г.).¹⁰

Сделанный краткий обзор изданных и вошедших в научный оборот известий древнерусской письменности о путешествии Магеллана позволяет сделать следующий вывод: интересующие нас известия относятся к позднему времени — XVII в.; попали они в древнерусскую письменность («Космографии») хотя из первоклассного для своего времени географического труда — «Атласа» Меркатора, но отнюдь не из первоисточников по истории плавания Магеллана; известия эти содержат лишь разрозненные сведения об отдельных моментах экспедиции Магеллана и не освещают ее истории в целом.

⁴ См.: А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 177—178.

⁵ См.: А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М. 1869, стр. 93—94, 110.

⁶ См.: Космография 1670 г. СПб., 1878—1881, стр. 370—379.

⁷ См.: там же, стр. 437—447.

⁸ См.: там же. Предисловие, стр. 6—7, 9.

⁹ См.: ГБЛ, Ф. IV, 137, лл. 628—630, 658 об.—664.

¹⁰ См.: Космография 1670 г. Предисловие, стр. 6—7, 27—33.

Этот вывод оказывается несостоятельным при обращении к неизданным и недостаточно изученным рукописным материалам.

В рукописях русского перевода «Всемирной хроники» Мартина Бельского, который был сделан, как уже указано, в 1584 г., имеется статья «О португалских людех, которые ездиле искать Нового света на восток солнца». Статья содержит описание, правда, не очень обстоятельное, всей истории путешествия Магеллана.¹¹ Таким образом, через перевод «Всемирной хроники» Мартина Бельского в древнерусскую письменность уже в конце XVI в. проник рассказ о первом кругосветном путешествии. Мы ограничимся только указанием на этот факт и не будем давать анализа статьи (это — задача исследователей «Всемирной хроники» Мартина Бельского),¹² а перейдем к рассмотрению другого памятника, который представляет особую ценность в интересующем нас плане.

Мы имеем в виду произведение под названием «О Молюкитцких островах и иных многих дивных, их же новейшее плавание кастелланов, рекше испанских, подщанием кратчайшаго самодержца Карола Пятаго събрано, еще новообрете, Максимилиана Трансильвана к честнейшему кардиналу салтцзвурьенскому епистолиа краснешиа чтением». Это произведение входит в состав хранящегося в Рукописном отделе ГПБ сборника Q. IV, 412 (6. собрание Савванитова. № 128), представляющего собой сборную рукопись XVI—XVII вв. Интересующее нас произведение находится на лл. 18—29 об. Водяной знак этих листов — рука с розеткой из пяти лепестков, у Брикe № 11174-1523 г., почерк — полуустав, переходящий в скоропись середины XVI в.;¹³ таким образом, список датируется серединой XVI в.

Произведение несколько раз упоминалось в научной литературе. П. И. Савванитов и И. А. Бычков привели его полное название при описании сборника, в котором оно находится; И. А. Бычков указал при этом, что статья является переводом латинского сочинения «*De Mollucis insulis itemque aliis pluribus mirandis, quae novissima Castellanorum navigatio serenissimi imperatoris Caroli V auspicio suscepta, nuper invenit. Maxmiliani Transilvani epistola ad reverendissimum cardinalem Saltzburgensem lectu perquam jucunda*», написанного в 1522 г. и в первый раз изданного в Кельне в 1523 г. А. И. Соболевский в исследовании, посвященном переводной литературе, отнес памятник в раздел «Летучие листки и газетные статьи», повторив в остальном сведения, приведенные И. А. Бычковым. И. У. Будовниц в своем «Словаре» привел начало названия памятника и отметил его переводное происхождение, сославшись при этом на А. И. Соболевского. Беглое упоминание памятника имеется и в академической «Истории русской литературы». В главе, посвященной переводной литературе XV—XVI вв., отмечается, что «к литературе путешествий примыкал и русский перевод латинского описания Молюккских островов, сделанного испанцем в 1523 г.»¹⁴

¹¹ См.: ГБЛ, F.IV. 162, лл. 1232—1237 об.

¹² Ниже мы укажем лишь источник названной статьи (см. прим. 58).

¹³ И. А. Бычков (см. ниже, прим. 14) определяет почерк как полуустав конца XVI в. В. И. Малышев, консультацией которого мы пользовались, считает его характерным для середины XVI в.

¹⁴ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями Павла Савванитова. СПб., 1872, стлб. 10—11; И. А. Бычков. Каталог собрания рукописей П. И. Савванитова. СПб., 1900, стр. 153—154; А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 237; И. У. Будовниц. Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962, стр. 187; История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 290.

Как мы видим, авторы всех имеющихся упоминаний памятника ограничиваются лишь воспроизведением его названия и указанием на переводное происхождение и совершенно не раскрывают его содержания.¹⁵ Вероятно, этим объясняется то обстоятельство, что памятник до сих пор не привлек должного внимания исследователей и не вошел по существу в научный оборот.

Остановимся на содержании памятника. Во вступительной части «эпистолии» автор ее Максимилиан Трансильван сообщает о прибытии одного из кораблей, посланных «кесарем» для «разсмотрения» островов, в которых рождаются «ароматы», и о своем намерении изложить историю этого замечательного кругосветного плавания на основе правдивых рассказов «корабленачальника» и других «кораблеников»; при этом автор подчеркивает, что закончившееся плавание показало несостоятельность известий «древних писателей» о «незнаемых странах» (лл. 18—19).

Затем автор останавливается на предыстории плавания: рассказывает, что «без мала» 30 лет назад короли Испании и Португалии по благословению папы Александра VI договорились о разграничительной линии, проходящей на 360 миль к западу от «Есперидских» островов (имеются в виду острова Зеленого мыса), с тем, чтобы земли, которые будут открыты к востоку от этой линии, принадлежали португальцам, к западу — испанцам;¹⁶ сообщает о плаваниях и открытиях испанцев на западе и португальцев на востоке, о слухах, что португальцы преступили свои пределы и что Молуккские острова находятся в границах испанских владений, о предложении испанскому королю, сделанном Магелланом, обиженным на португальской службе, доплыть до Молуккских островов «прямым путем от запада к востоку», о поддержке этого предложения Христофором, братом тестя автора письма, о колебаниях короля и о его, наконец, согласии отправить экспедицию в составе пяти кораблей под начальством Магеллана (лл. 19—20 об.).

Далее следует краткое описание плавания Магеллана от Испании, откуда корабли отплыли 10 августа, к Канарским островам, затем островам Зеленого мыса и далее на юго-запад к «преже помянутой . . . оной суше» (Южной Америке) и о плавании вдоль ее берегов (лл. 20 об.—21). Более подробным становится рассказ с момента открытия экспедицией в последний день марта «пучины» (залива), названной именем св. Юлиана: так как «пучина» имела вид «превоза» (пролива), то Магеллан для обследования ее сделал остановку, во время которой участники экспедиции встретились с местными жителями — «исполинами» (патагонцами), познакомились с их жилищами и нравами и предприняли неудачную попытку захватить нескольких «исполинов» и доставить их на корабли (л. 21—21 об.). Во время пребывания в «пучине» св. Юлиана наступила зима; зимняя стужа, бури, недостаток продовольствия, перспектива плавания вдоль неведомых берегов — все это вызвало недовольство экипажа и попытку бунта, с которой Магеллан сурово расправился. 24 августа корабли отплыли от берега св. Юлиана к югу и достигли «губы» (залива), названной «Честный крест», где буря разбила один из кораблей. 22 сентября¹⁷ перед мореплавателями открылось, наконец, «устие некое,

¹⁵ В вышедшей в свет, когда настоящая работа была уже написана, книге писателя С. Маркова «Круг земной» указывается, что произведение «О Молуккских островах» содержит описание путешествия Магеллана (см.: С. Марков. Круг земной. М., 1966, стр. 287).

¹⁶ Имеются в виду булла Александра VI от 4 мая 1493 г. и испано-португальский договор в Тордесильясе 1494 г.

¹⁷ В латинском оригинале «26 сентября», но и эта дата ошибочна, так как пролива, названного впоследствии именем Магеллана, экспедиция достигла в октябре.

видение перевоза показующе»; в то время когда часть кораблей обследовала «перевоз», один из кораблей, на котором недовольные Магелланом одержали верх, бежал в Испанию. Оставшиеся три корабля в ноябре месяце вошли в «влои (пролив) сеи, преже незнаемыи, шириною овогда убо триех, овогда же двою поприщ италинских». И после 22-дневного плавания по проливу вышли в «величайшее море» (Тихий океан), по которому Магеллан приказал «плавание творити от запада на восток», так как там находились Молуккские острова (лл. 22—24).

Около четырех месяцев, гонимые попутным ветром, плыли по неведомой великой «пучине» корабли, изредка встречая небольшие острова. Наконец, они достигли острова «Субусф» (Себу), с «игемоном» (правителем) которого испанцам удалось установить хорошие отношения, закрепленные принятием «игемоном» и населением острова христианства. Но хорошие отношения с аборигенами продержались недолго, и в стычке с жителями острова «Маутан» (Матан) Магеллан был убит. Оставшиеся в живых испанцы избрали своим начальником Ивана Серана (Жуана Серрана). Но к этому времени жители Себу, по словам автора письма подстрекаемые неким рабом, недовольным жестоким обращением со стороны Ивана Серана, восстали против пришельцев, захватили Серана, уничтожив «честный крест» и другие атрибуты христианства. Испанцы, бросив своего начальника на произвол судьбы, бежали с Себу на трех кораблях, один из которых из-за недостатка команды на острове «Кохоль» (Бохоль) они сожгли (лл. 25 об.—26 об.). На оставшихся двух кораблях испанцы достигли острова «Порни» (Борнео), жителей которого за отсутствие у них «разбойничества» и «человекоубийства», любовь к тишине и миру автор письма всячески хвалит (лл. 26 об.—27). От Борнео экспедиция направилась к Молуккским островам, посетив по пути «брег Солуский» (архипелаг Сулу), богатый жемчугом.

Молуккские острова — «Таранти» (Тарнат), «Мутила» (Бакьян?), «Федора» (Тидор), «Мара» (Моротай) и «Матфиана» (Макьян) — описываются наиболее обстоятельно: указывается их местоположение, величина, описываются произрастающие на них пряности, дается характеристика обычаев и нравов островитян, у которых царят «мир и безмолвие». Интересно замечание автора о том, что «от нашей сея вселенная (т. е. из Европы) превелие человеческо беззаконие к ним (островитянам) пренесено бывше видится» и что «в нас живущее сребролюбие и гортани несытное бесование понудиша нас в толь удаленом их испытovati мире» (лл. 27—28). Это замечание, вскрывающее истинные мотивы далеких заморских экспедиций и те «блага», которые приносили коренному населению европейцы, тем более примечательно, что оно противоречит общему стремлению автора рисовать идиллические отношения, установившиеся между участниками экспедиции и населением островов: по словам автора, местные князьки охотно признавали власть испанского короля и принимали вместе с населением островов его подданство.

Отдохнув на островах и наполнив корабли пряностями, испанцы отплыли от острова Тидор. Но тут выяснилось, что один из кораблей дал течь. Было решено, что корабль возвратится на Тидор и после починки направится в испанские владения по пути, пройденному Магелланом; другой же корабль отправится на родину вдоль Индии и Африки, держась как можно дальше от берегов, чтобы не попасть в руки португальцев. О судьбе первого корабля автор письма ничего не сообщает. Второй — отплыл в Испанию по намеченному пути; несмотря на принятые меры предосторожности часть экипажа корабля во время остановки на одном из островов была захвачена португальцами. Оставшиеся на корабле ис-

панцы в количестве 18 человек через 16 месяцев после отплытия от Молуккских островов, 6 сентября, достигли Испании (лл. 28—29 об.). Сообщением об этом заканчивается письмо.

В письме Максимилиана Трансильвана излагается, таким образом, вся история кругосветного плавания Магеллана с указанием важнейших дат, маршрута, случившихся событий и описанием вновь открытых земель — их местоположения, природы и населения. Вместе с тем письмо рисует и политические отношения того времени: колониальное соперничество Испании и Португалии и первоначальные методы установления колониального господства. Письмо Максимилиана Трансильвана — это сочинение о путешествии Магеллана, передающее и политическую атмосферу эпохи.

Кто же был Максимилиан Трансильван и какое место занимает его сочинение среди других источников по истории плавания Магеллана?

Максимилиан Трансильван (1490—1538) был одним из секретарей Карла V, германского императора и короля Испании. Начав свою карьеру в качестве секретаря Матвея Ланга, архиепископа зальцбургского, одного из влиятельнейших прелатов Германии и в то же время человека с широким гуманистическим кругозором, Максимилиан рано попал ко двору будущего императора. Он пользовался безусловным доверием Карла и, кроме своих непосредственных секретарских обязанностей, неоднократно выполнял деликатные дипломатические поручения во Франции, Англии и Италии. Он сопровождал Карла в 1519 г. на имперский сейм, где тот был избран императором, и написал официальный отчет об этом событии — первое произведение Максимилиана, прошедшее через печатный станок.¹⁸ При испанском дворе Карла Максимилиан занимал пост личного секретаря императора, причем, так сказать, секретаря первого ранга — «inter secretarios primi nominis».

Благодаря занимаемому положению Максимилиан Трансильван имел доступ к первоисточникам сведений о плавании Магеллана. Этому способствовали и его личные связи. Дядя жены Максимилиана Кристобаль де Аро,¹⁹ крупный испанский негодант, горячо поддерживавший проект Магеллана об отыскании нового пути к островам пряностей, был одним из финансистов этого предприятия. После возвращения «Виктории» — единственного вернувшегося в Испанию корабля экспедиции Магеллана, Максимилиан присутствовал на приеме участников плавания при дворе Карла V в Вальядолиде. Он не только много и подолгу беседовал с капитаном «Виктории» Себастьяном Эль Кано и другими мореплавателями, приглашенными в Вальядолид,²⁰ но и имел возможность ознакомиться с материалами, писанными рукой участников экспедиции во время плавания. В частности, он безусловно читал полный, не дошедший до нас, дневник Антонио Пигафетты и шканцевый журнал «Виктории», который вел штурман Фр. Альбо. Знакомство Максимилиана с этими важнейшими первоисточниками ясно обнаруживается при сличении всех трех текстов.²¹

¹⁸ Legatio ad Caesarem Divum Carolum ab Reverendissimis sacri Romani Imperii electibus... Die ultimo novembris anno 1519. Augsburg, 1519.

¹⁹ В тексте перевода он именуется: «Христофор, моего тестя брат» (см. выше, стр. 230).

²⁰ О рассказах участников экспедиции, как об источнике своего сочинения, пишет сам Максимилиан Трансильван (см. выше, стр. 230).

²¹ Подробный сравнительный анализ сочинения Трансильвана и дневника Пигафетты см.: F. Pall. Maximilien Transylvanus auteur du récit de l'expédition de Magellan. — Nouvelles études publ. à l'occasion du XII Congrès de sciences historiques, vol. 3. Bucharest, 1965, стр. 147—150. Историю рукописи дневника Пигафетты см.: Антонио Пигафетта. Путешествие Магеллана. Под ред. Я. М. Света, М., 1950, Комментарии, стр. 143—144.

При сборе сведений об экспедиции Магеллана Максимилианом двигал не только понятный интерес образованного человека к столь удивительному путешествию, но и официальное поручение, полученное от его учителя и друга Пьетро д'Ангиера. Этот последний, советник Карла V по делам Индий и официальный историограф испанских открытий, должен был составить подробное описание первого кругосветного плавания. Сбор материала для своей будущей работы он поручил Максимилиану Трансильвану, на добросовестность и солидные географические познания которого мог вполне рассчитывать.

Собранные им сведения Максимилиан критически обработал, отбрав все только самое достоверное и, что тоже немаловажно, все самое существенное. Это дало ему возможность в небольшом сочинении всего в 25 страничек печатного текста в 8-ку изложить, как уже отмечено, не только ход самого плавания, но и характер представлений современников о западном пути к далеким восточным островам, и историю создания проекта путешествия, и результаты сделанных открытий. Сочинение написано в пользовавшейся большой популярностью среди гуманистов форме письма, которое автор адресовал архиепископу зальцбургскому Матвею Лангу. Написанное буквально по горячим следам событий («Викторина» бросила якорь в порту Севильи в сентябре 1522 г., а письмо датировано 24 октября того же года), оно очень скоро, уже в январе 1523 г. было издано в Кельне самим Максимилианом Трансильваном, который сопровождал в это время Карла V в его поездке по Германии. Письмо Максимилиана Трансильвана явилось, таким образом, первым сочинением о путешествии Магеллана, прошедшим через печатный станок и ставшим достоянием читающей публики.²²

Благодаря своему ясному и живому изложению, не говоря уже о богатом и насыщенном содержании, сочинение Трансильвана получило широкую популярность. На протяжении небольшого промежутка времени оно было несколько раз переиздано на языке оригинала и в переводах²³ и прочно вошло в состав наиболее популярных сборников сочинений о географических открытиях.²⁴

Письмо Максимилиана Трансильвана стало также источником сведений о плавании Магеллана и Молуккских островах и для Себастьяна Мюнстера, включившего его в свою «Космографию» в сильно сокращенном виде.²⁵ А отсюда уже не только в сокращенном, но и несколько искаженном виде оно попало во «Всемирную хронику» Мартина Бельского.²⁶ Письмо Максимилиана Трансильвана было использовано и для создания первого глобуса, отразившего открытия Магеллана, который был создан в 1523 г. немецким картографом и математиком Иоганном Шёнером.²⁷

²² Библиографию этого сочинения Максимилиана Трансильвана см.: *Harrisse. Bibliotheca Americana vestustissima*. 1866, № 153, стр. 230.

²³ Укажем хотя бы на некоторые из них: Рим, ноябрь, 1523 и февраль 1524; Венеция, 1536 г., последнее на итальянском языке.

²⁴ В сборнике «*Novus orbis regionum et insulorum...*» оно впервые было издано во 2-м издании сборника (Базель, 1537 г.). В сборниках Рамузио «*Delle navigationi e viaggi*» в переводе на итальянский язык издавалось неизменно, начиная с 1-го изд. 1550 г.

²⁵ *Cosmographiae universale, libri VI*. Basilea, 1552, стр. 1103—1106.

²⁶ *M. Biełski. Kronica wszystkiego świata...* Kraków, 1564, кн. X, стр. 859.

²⁷ *De nuper sub Castiliae ac Portugaliae Regibus serenissimis repertis insulis ac regionibus, Johannis Shöner cartopolitani epistola et globus geographicus, seriem navigationem circumstantibus* 1523. Воспроизведено в изд.: *H. Stevens, J. Schöner. A reproduction of his globe of 1523*. Ed. with an introduction and bibliography by C. H. Coote, London, 1888.

Обстоятельства сложились так, что письмо Трансильвана было не только первым, но в течение некоторого времени и единственным опубликованным сочинением о путешествии Магеллана. Рукописи полного варианта дневника Пигафетты пропали при неизвестных обстоятельствах, краткий же вариант дневника был издан только в 1536 г. Обширное сочинение Пьетро д'Ангиера было послано в Рим для издания, но не увидело света, так как рукопись погибла во время разгрома Рима в 1527 г.²⁸ До нас дошло только его значительно менее подробное, чем у Трансильвана, сообщение о путешествии Магеллана, вставленное в новое издание его «Декад».²⁹ Остальные источники по истории плавания Магеллана (мы имеем в виду источники, специально ему посвященные) были в большинстве своем изданы впервые лишь в XIX в. испанским историком архивистом Фр. Наваррете.³⁰

История создания, издания и использования письма Максимилиана Трансильвана показывает, что в культурной жизни Западной Европы XVI в. оно сыграло значительную роль как первое опубликованное сочинение о путешествии Магеллана: ученые, авторы географических трудов черпали из него сведения о вновь открытых землях, для читающей же публики оно было ярким и увлекательным памятником литературы путешествий, живо рассказывающим о дерзновенном подвиге смелых мореплавателей и их удивительных приключениях.

В XVI же веке письмо Максимилиана Трансильвана благодаря переводу на русский язык стало известно и в России.

Сличение русского перевода с латинским оригиналом³¹ показывает, что перевод в основном сделан как дословный. Переводчик настолько следовал оригиналу, что сохранил даже столь отличный от русского строй латинской фразы. Это, конечно, очень утяжелило русский перевод, сделало его текст местами довольно сложным и запутанным (последнее особенно относится к вступительной части письма) в отличие от латинского оригинала, написанного очень точным и ясным языком, в котором Максимилиан стремился сочетать красноречие и лапидарность.³² Нужно отметить, что именно эти особенности гуманистического стиля делают памятники его трудными для перевода.

Наряду со стремлением к наибольшей близости к оригиналу характерной чертой перевода является и некоторая переработка текста. Переработка эта проявилась прежде всего в введении купюр. Размеры купюр очень разнообразны: от нескольких слов до 10 и более строк; но они многочисленны и, как правило, невелики. Анализ текста купюр показывает, что переводчик опускал либо те места, которые уводили в сторону от основного стержня изложения,³³ либо такие, которые могли показаться

²⁸ Rhamusio. Discorso sopra il viaggio fatto da gli Spagnoli intorno al mondo. Delle navigationi e viaggi, vol. I. Ed. II, Venezia, 1559, стр. 382.

²⁹ De orbe novo Decades... Madrid, 1530.

³⁰ F. Navarrete. Coleccion de viajes y descubrimientos que hicieron por mar los españoles desde fines del sigeo XV, vol. IV, Madrid, 1837.

³¹ Сличение произведено с текстом кельнского издания 1523 г.

³² Гуманисты — современники Трансильвана — высоко ценили его стиль. В одном из писем нидерландского гуманиста, где говорится о готовящемся сочинении Максимилиана Трансильванского, прямо сказано: «...никто не сумеет это описать стилем более красноречивым и изящным, чем он» (F. Pall. Maximilim Transylvanus auteur du récit de l'expédition de Magellan, стр. 148).

³³ Так, например, во вступительной части письма опущены фантастические известия, приписываемые древним писателям, Геродоту, Плинию, о происхождении корицы (л. 18 об.).

повторением уже сказанного.³⁴ Иными словами говоря, применяя купюры, переводчик руководствовался стремлением сделать текст наиболее ясным и удобным для чтения.³⁵ С этим же желанием связан, очевидно, и отказ от сохранения ряда латинских терминов и непривычной для русского читателя географической номенклатуры. И первым, и вторым переводчик стремился подыскать адекватные выражения из обычной для русского языка лексики; так, например, латинское *conchilium* — «моллюск», преимущественно «устрица», и *conchylium mare* — «раковина» он передает русским словом «рак» (л. 21, 27); латинское «gradus» — «градус» передается словом «степень, ступень». Порою при передаче терминов географической номенклатуры переводчик прибегает к описательным приемам: так, тропик Козе-рога он обозначает как «весеннее солнцелетнее възвращение» (л. 18 об.), экватор — как «равнодневное солнцелетнее возвращение» (л. 19 об.); в процессе дальнейшего перевода сложное наименование экватора было заменено на более простое «полудневный пояс» (л. 18). В тех случаях, когда переводчик сохраняет иностранные термины, он дает к ним пояснения, снабжая их словом «рекше», например: «плавание кастелланов, рекше испанских» (л. 18), «подобен ерманом, рекше немцом, съседом нашим» (л. 19 об.), «нижним мисферием, рекше полукругом» (л. 20), «горизонта, рекше краа небеснаго» (л. 21), «канои индеиские, рекши струги» (л. 24 об.) и т. д.; особенно любопытно одно такое пояснение: там, где Трансильван, описывая мускатные орехи, сравнивает их с южноевропейскими и приводит их испанское название, переводчик попросту опускает это сравнение и заменяет его своим — «прилично же есть древу, иже киевския орехи» (л. 28 об.).

Все отмеченные, наиболее характерные особенности перевода свидетельствуют о том, что переводчик предназначал перевод не просто для себя, а для широкого читателя, и стремился сделать для него свою работу как можно более доступной. Но благодаря следованию грамматическому строю латинского текста и трудностям перевода гуманистического стиля, это, как отмечено, ему не всегда удалось. Встречаются в переводе и отдельные ляпсусы: так, во вступительной части письма при описании испанских открытий на западе в Новом свете имеется отсылка — «о сем граде велика и многа и истинна Петр Мученик списана оставил есть, списатель бив о вере вещи красоте слова прилежаишии» (л. 19). «Петр Мученик» — это не какой-то святой мученик, как может показаться при чтении текста перевода, а Пьетро Мартир д'Ангиера, уже упоминавшийся выше официальный историограф испанских открытий в Новом свете; «martir», что по-латински действительно значит «мученик», в данном случае было просто его родовым именем. Несмотря на имеющиеся в переводе недочеты, в целом он может рассматриваться как удачный и отвечающий своему назначению — ознакомить русского читателя с занимательным повествованием об удивительном путешествии и связанных с ним великих открытиях.

Когда же и при каких обстоятельствах попало в Россию и было переведено на русский язык сочинение Максимилиана Трансильвана?

Если верхняя и нижняя грани того отрезка времени, когда это произошло, определяются с достаточной точностью (верхняя грань — 1523 г.,

³⁴ Последнее особенно относится к описанию быта и нравов населения Молуккских островов.

³⁵ Думается, что лишь две купюры — очень сложное и путаное у Максимилиана Трансильвана изложение сущности мусульманской религии и не менее сложное суждение о системе отсчета географических широт (купюры на лл. 21, 27 об.) — были вызваны трудностями для переводчика понимания текста оригинала.

год опубликования письма Максимилиана Трансильвана в Кельне, нижняя — середина XVI в., которой датируется сохранившийся список перевода), то приурочить дату перевода к каким-либо определенным годам внутри этого периода мы можем лишь предположительно.

Нам кажется, что письмо Максимилиана Трансильвана попало в Россию и было переведено на русский язык скорее всего в 20-е годы XVI в. Основания для этого предположения следующие.

В 1525 г. Испанию посетил русское посольство. Посольство было связано с оживлением в 20-ые годы XVI в. сношений между Василием III и Карлом V, обусловленным угрозой со стороны турок.³⁶ В русских источниках посольство почти не отражено: лишь в краткой описи дел Посольского приказа упоминается о возвращении в Москву в 1526 г. послов великого князя к императору — «князя Ивана Засекина да дьяка Семена Борисова». ³⁷ О пребывании в 1525 г. посольства в Испании, где тогда находился Карл V, известно из донесений польского представителя при императорском дворе Дантискуса: Дантискус сообщает о торжественном въезде послов в Мадрид, аудиенции у императора, отправлении на родину.³⁸ К сожалению, ни о содержании официальных переговоров, ни о личных встречах и беседах послов донесения Дантискуса не дают почти никаких сведений. Но более чем вероятно, что во время своего пребывания в Испании, куда только три года назад возвратилась экспедиция Магеллана, послы слышали рассказы об этом событии. Не исключена возможность, что кто-либо из придворных Карла V подарил посланцам из далекой Московии экземпляр сочинения Максимилиана Трансильвана.

В этой связи отметим, что в составе посольства к Карлу V в Испанию находился «толмач латинский и немецкий» Влас, имевший отношение и к литературным переводам: Влас принимал участие в переводах для Геннадиевской библии,³⁹ а когда в 1518 г. Максиму Греку был поручен перевод богослужебных книг, то к нему в качестве одного из помощников для переводов с латинского на русский был приставлен Влас.⁴⁰ Власу были свойственны, очевидно, любознательность и наблюдательность: именно поэтому рассказы Власа (а также других участников русского посольства в Испанию) положил в основу своей книги о нравах и обычаях москвитян доктор Фабр, встречавшийся с посольством в Тюбингене при возвращении его на родину.⁴¹ Сведения Власа и другого толмача Григория Истома использовал Герберштейн при составлении описания морского пути из России в Данию вокруг Скандинавии.⁴² Как человек, знавший латинский язык и сам не раз совершавший путешествия, Влас мог специально заинтересоваться сочинением о первом кругосветном путешествии и привезти его с собою в Россию.

³⁶ Я. С. Лурье. «Открытие Англии» русскими в начале XVI в. — Географический сборник, III, Л., 1954, стр. 186.

³⁷ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I. СПб., 1851, стр. 1487.

³⁸ См.: Н. Ueberberger. Oesterreich und Russland, I. Wien u. Leipzig, 1906, стр. 184—190.

³⁹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 185—189.

⁴⁰ См. ниже, стр. 238.

⁴¹ Донесение доктора Иоганна Фабра его высочеству Фердинанду, инфанту испанскому, эрцгерцогу австрийскому и правителю Австрийской империи о нравах и обычаях москвитян. — Отечественные записки, 1826, ч. XXV, стр. 285—305; ч. XXVII, стр. 47—67.

⁴² См.: С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 184—188.

Но возможно и другое предположение. В том же 1525 г. в Риме побывал посланник Василия III к папе Клименту VII Дмитрий Герасимов.⁴³ Папа, стремившийся к установлению дружественных отношений с могущественным повелителем русской державы, приказал оказать Герасимову почетный прием: приставил к нему для ознакомления с достопримечательностями Рима Кверикати, епископа абруццкого, и велел видному итальянскому литератору Павлу Иовию (Паоло Джовио) поближе познакомиться с Герасимовым. Иовий в своей книге о посольстве Василия III сообщает, что Дмитрий Герасимов в юности учился в Ливонии и в качестве участника посольств побывал в Швеции, Дании, Пруссии и при императорском дворе. Иовий высоко отзывается о разносторонних знаниях русского посланника, подчеркивая, что он был «человек весьма сведущий в делах мирских, а особенно в священном писании» и отмечает его живой интерес к жизни и достопримечательностям Рима: Герасимов побывал и на папском богослужении, и на заседании сената, и «с восхищением» осматривал храмы Рима и древние памятники.⁴⁴ Павел Иовий вел с Дмитрием Герасимовым длительные беседы и на основе его рассказов написал свою книгу, в которой было дано первое в западноевропейской литературе обстоятельное и в большей части достоверное описание Русского государства. Содержание книги Павла Иовия, пожалуй в еще большей мере, нежели его лестный отзыв о русском посланнике, свидетельствует о широте кругозора, разнообразной эрудиции и тонкой наблюдательности Дмитрия Герасимова, благодаря которым он сумел воссоздать правдивую картину своей родины.

Специально интересовался Дмитрий Герасимов вопросами мореплавания. Во время бесед с Иовием Герасимов впервые в истории географических знаний высказал идею использования Северного морского пути — по Ледовитому океану вдоль берегов Сибири для достижения Китая.⁴⁵ Как полагают исследователи, идея Герасимова была использована затем Себастьяном Каботом при организации экспедиции Уилоби-Ченслера для отыскания северо-восточного прохода в Индию.⁴⁶

Проект Герасимова показывает, как нам кажется, насколько внимательно он следил за вопросами, волновавшими политическую и географическую мысль Европы того времени. В результате раздела мира папой Александром VI между Испанией и Португалией плавания в Индию и на Молуккские острова для представителей других европейских стран стали недоступными. В этих условиях в Европе возникают проекты отыскания новых путей в юго-восточную Азию — родину пряностей. Один из таких проектов принадлежал генуэзцу Паоло Чентурионе, дважды (в 1518 и 1524 гг.) побывавшему в Москве с поручениями от пап Льва X и Климента VII к Василию III.⁴⁷ В Москве Чентурионе («капитан Павел», как его называют Иовий и папские грамоты) развивал проект (отвергнутый русским правительством) вывоза пряностей из Индии в Европу через Россию: по реке Инду через «хребет Паропанисдский» (Гималаи), затем по «Оксу» (Аму-Дарье), «Гирканскому» (Каспийскому) морю, Волге

⁴³ См.: Переписка пап с российскими государями в XVI в. СПб., 1834, стр. 19—21.

⁴⁴ См.: Павла Иовия Новокомского книга о посольстве Василия, великого государя московского, к папе Клименту VII. В кн.: С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 252, 255—256.

⁴⁵ См.: там же, стр. 262.

⁴⁶ См., например: Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий, стр. 15.

⁴⁷ См.: Переписка пап с российскими государями в XVI в., стр. 9—15.

в Москву и из Москвы через Прибалтику в Западную Европу. Несомненно, что Герасимов, прибывший в Рим из Москвы в 1525 г. вместе с Чентурионе,⁴⁸ был в курсе его рассказов о соперничестве европейских стран из-за торговли пряностями и о необходимости отыскания новых путей в юго-восточную Азию. Вот почему идея Герасимова об использовании Северного морского пути представляется нам результатом его хорошей осведомленности не только в географии родной страны, но и в великих географических открытиях того времени.

В Риме Герасимов мог получить дополнительные сведения о великих географических открытиях и, в частности, о путешествии Магеллана: незадолго до прибытия Герасимова Пигафетта, прославивший свое имя как автор дневника путешествия Магеллана, по возвращении на родину, в Италию, имел аудиенцию у папы Климента VII и лично докладывал ему о замечательном путешествии. Хорошо знаком был с Пигафеттой Кьерикати, епископ абруццкий, приставленный к Герасимову в Риме в качестве гида и ментора: в 1519 г. в свите монсиньора Кьерикати, тогда папского нунция, прибыл Пигафетта в Испанию и с разрешения Кьерикати отправился с Магелланом в кругосветное плавание.⁴⁹

Все сказанное о Дмитрии Герасимове, о круге его интересов и знакомств делает, как нам кажется, более чем вероятной мысль о том, что именно Дмитрий Герасимов, услышавший от своих собеседников о сочинении Максимилиана Трансильвана, раздобыл его экземпляр и привез с собой в Москву.

Дмитрий Герасимов является, как нам думается, и автором перевода. Письмо Максимилиана Трансильвана написано, как уже отмечено, в трудном для перевода гуманистическом стиле, получившем распространение в XVI в. Перевод его был под силу лишь опытному переводчику. Герасимов же имел большой опыт литературных переводов. Еще в конце XV—начале XVI в. Дмитрий Герасимов, являвшийся участником кружка новгородского архиепископа Геннадия, выполнил по его поручению целый ряд переводов. Он перевел с нижненемецкого несколько статей для Геннадиевской библии, а также написанные на латинском языке сочинения Самуила Евреина и Николая де Лиры.⁵⁰ Дмитрию Герасимову принадлежит и перевод латинской грамматики Доната.⁵¹ Когда Максим Грек приехал в Москву для перевода богослужебных книг, то Герасимов вместе с Власом стали его помощниками: Максим Грек переводил с греческого на латинский, а Герасимов с Власом — с латинского на русский.⁵² Совместная с Максимом Греком работа по переводу Толковой псалтыри пробудила, по-видимому, у Герасимова интерес к этому памятнику и в 30-е годы XVI в. по поручению Макария, тогда архиепископа новгородского, он выполняет самостоятельный перевод с латинского толкования на Псалтырь Бруно Вюрцбургского.⁵³ Дмитрий Герасимов оставил, таким образом, значительный след в литературно-переводческой деятельности, имевшей место в России в конце XV—первой половине XVI в. Соединение

⁴⁸ См.: Павла Иовия Новокомского книга, стр. 252—255.

⁴⁹ А. Пигафетта. Путешествие Магеллана. М., 1950, стр. 43—44.

⁵⁰ См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 183—185, 191—193.

⁵¹ См.: И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — В кн.: Исследования по русскому языку, т. I. СПб., 1885—1895, стр. 813.

⁵² См.: В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 166

⁵³ См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. I. Казань, 1881, стр. 150—151.

в лице Дмитрия Герасимова дипломата со специальным интересом к вопросам географии и мореплавания и опытным литературного переводчика заставляет считать его наиболее вероятным автором русского перевода сочинения Максимилиана Трансильвана.⁵⁴

Однако этому предположению противоречит, на первый взгляд, одно обстоятельство. Казалось бы, находясь в Риме, Герасимов должен был заполучить и использовать для перевода экземпляр одного из римских изданий письма Максимилиана Трансильвана (в Риме перед приходом Герасимова вышли в ноябре 1523 г. и в 1524 г. второе и третье издания письма).⁵⁵ Между тем перевод сделан почти бесспорно с его первого кельнского издания 1523 г. На эту мысль наводит сличение текстов заглавия: в римских изданиях заглавие не по существу, но по форме (по порядку расположения его отдельных частей) по сравнению с кельнским изданием изменено.⁵⁶ Поскольку перевод в большей своей части выполнен как дословный (к заглавию это относится полностью), постольку изменение заглавия неминуемо должно было отразиться и в заглавии перевода, если бы он был сделан с римского издания. Между тем заглавие письма Максимилиана Трансильвана в переводе⁵⁷ полностью совпадает с заглавием его кельнского издания; следовательно, переводчик пользовался кельнским изданием. Но это обстоятельство мешает предположению о Герасимове как об авторе перевода только на первый взгляд: думается, что в кругу тех широко эрудированных представителей римской интеллигенции, с которыми общался Герасимов, имели хождение и экземпляры первого издания письма Максимилиана Трансильвана, и, очевидно, один из них попал в руки русского посланника.

Несомненно, что перевод письма Максимилиана Трансильвана на русский язык имел значение для распространения географических и исторических знаний в России: он был первым в древнерусской письменности известием о великих географических открытиях; он знакомил русского читателя с полной историей замечательного путешествия, доказавшего шарообразность земли, и почти на столетие раньше Хронографа и «Космографий» и на несколько десятилетий ранее перевода «Всемирной хроники» Мартина Бельского сообщал сведения о Южной Америке, островах Океании и Индонезии, сведения, которые к тому же были получены не из вторых рук, а от участников экспедиции Магеллана.⁵⁸ Благодаря переводу письма Максимилиана Трансильвана в древнерусскую письменность входил также образец западноевропейской литературы путешествий нового времени, для которой было характерно подробное систематическое изложе-

⁵⁴ Мысль о Дмитрие Герасимове как об авторе перевода высказана также С. Марковым (см.: С. Марков. Круг земной, стр. 287—289).

⁵⁵ См. выше, прим. 23.

⁵⁶ В кельнском издании: *De Mollucis insulis itemque, aliis pluribus mirandus...* (см. выше, стр. 229). В римских изданиях: *Epistola Maximiliani Transylvani de novissima hispanorum navigatione...*

⁵⁷ О Молуккских островах и иных многих дивных... (см. выше, стр. 229).

⁵⁸ Письмо Максимилиана Трансильвана способствовало расширению географического горизонта русских читателей XVI—XVII вв. и благодаря изложениям его текста и отдельным извлечениям из него, включенным в состав энциклопедических произведений того времени. Упомянутая выше статья русского перевода «Всемирной хроники» Мартина Бельского «О португальских людях, которые ездили искать Нового света на восток солнца», содержащая описание путешествия Магеллана, представляет собою изложение письма Трансильвана, заимствованное, как уже отмечено, автором «Всемирной хроники» из «Космографии» Себастиана Мюнстера. Известие «Хронографа» 1617 г. о Молуккских островах является в свою очередь извлечением из названной статьи русского перевода «Хроники» Мартина Бельского, т. е. в конечном счете из письма Максимилиана Трансильвана (см. выше, стр. 233).

ние истории путешествий в сочетании с развернутым описанием виденных стран: их местоположения, природы, населения.

Для нас же сохранившийся список перевода письма Максимилиана Трансильвана представляет интерес не только как источник для изучения распространения в России географических знаний и проникновения в древнерусскую письменность новых жанров литературы путешествий, но и как яркий памятник интенсивных культурных связей, существовавших между Россией и Западной Европой в 20-е годы XVI в., памятник живого внимания русского человека того времени к величайшим открытиям его эпохи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО МАКСИМИЛИАНА ТРАНСИЛЬВАНА

Л. 18 О Молукитцких островах и иных многих дивных, их же новейшее плавание кастелланов, рекше испанских, подданием кротчайшаго самодержжда Карола Пятаго събрано, еже новобрете, Максимилиана Трансильвана к честнейшему кардиналу салтызвурьенскому епистоли краснейша чтением

Честнейшии мне и пресветлеишии владыко, владыко мои въжделеннейшии.

Възвратился естъ в днеш сих един от пятих корабль оных, их же кесарь в прежних летех, в них же кесарское управляше начялство, послал естъ в страннии и толикими уже веки незнаемый мир к разсмотрению островов, в них же ражаются араматы. Аще бо и иже в Лиситанииском граде португалский¹ от Златаго Херсониса,² его же ныне Маладе быти непщюем, много некое арамат изобилие к нам превозят, ничто же обаче множае индеанех токмо перець раждает, а прочаа араматы, корица и гвоздици, и мушкати орехи, и сущую о них плеву, юже цвет мушкаты именуем, от островов, далече отстоящих и именем токмо познанных, к их индом приноситися явственно естъ. Корабли же их ни един железом, но токмо листы, яже от финик стягнутыми, их же парусы кругли суть и сии от ужищъ финических състоящася, род же кораблей сих юнки именуют, яже единым токмо ветром, или поспешным, или съпротивным, носитися обыкоша. Обаче не подобает дивитися, понеже мало не всеми, иже от създания века сицевыя острова незнаемы пребыша, елика бо прежде того о месте сицевых арамат древними писатели предана прочитаем, ова убо отнюдь

Л. 18 об. басни суть, || ова же толико от истины чюже естъ, яко и странам тем, в них же они сиа родитися предаша, от стран тех, идеже ныне обретоено естъ сиа раждатися, мало мне разстоятися, нежели мы от оных разлучаемся. И даждь прочая оставлю. Нашим же ныне възвратившимся, им же ничто тако познано бысть, яко же Ефиопиа нужно им явился, прежде неже острови те обрящут и zde обратятся вселенский весь мир около плиты. Плавание же сие, кое же и удивлению достойно быти, не токмо ни единым или древним родом изобретоено бысть, но ниже в начале никто покушался ему. Разсудих убо и течение его и все начинания следование твоеи честности любоистиннейшии изложити, подщяхся бо и от самого корабленачяльника³ и от коегождо с ним возвратившихся корабленик: «Възвести ми ся вся с прилежанием». Възвестиша же сиа и кесарю и иным множайшим вся убо с сицевою верою и светлостию, яко не токмо ничто же баснено възвести, но и прочая вся древними писатели предана явишася своим повеством баснена и ложна показавше, кто бо единоногих или ногою осеменяющихся и единопядных возрастом и лакотных возрастом и иная некаа сицева, но чюдище, а не человеки паче възмнит быти, иде же и от испанских от полудни на запад и от португалских к востоку спешно плавающих толика

места далечеиша весненаго солнечнаго възращения възсыкана быша и обрета и изъяслена, и весь вселенский мир от наших кораблей в настоящем окружен бысть, ничто же обаче никогда о сицевых страннообразных чело- л. 19
век истины держащимся слышати возмогоша верити подобает, яко вся она баснена || суть и ложна в мечтания ни единым достоверным списателем достоверно предана. Но да яко аз, им же весь вселенский мир ныне объвествуемъ есть, в предсловии моего списания на множае не отхожду, к предлагающему возвращаюся.

Отнеле же убо преже лет 30 без мала кастелани, рекше испанскыи, на запад, а португалскыи к восходу солнечному новы и незнаемы земли възсыковати начяша, даже друг другом незапинаемы будут, разделиши между себе два сиа царя вселенский сеи мир по благословению и по повелению крайнеишаго первосвятителя Александра Шестаго о таковых завещании, яко от Есперицких, рекше Вечерних остров, их же ныне Зеленаго края наричют,⁴ прямым путем к западу северному на 300 и 60 миль, тако же и иным прямым путем к южной стране дойти им, донеле же паки снитутся и мир весь на две части равномерне разделяют, и елико аще незнаемыя земли в восточной чясти открываются, сие португалским уступати и исписати, кастеланским же, аще что в вечерней стране изыщется.

И сице съглашено бысть, яко испанским убо присно на запад плавати, иде же землю бесконечну и пространнейшу и острова^а превелии и неудоб исчисляемы, златом и бисеры и иными имени богатящихся, и ныне паки напоследок величаишии град, Теноктик⁵ нарицаем, по подобию Венецей в некоем езере создан, обретоша. О сем граде велиа и многа и истинна Петр Мученик⁶ списана оставилъ есть, списатель быв о вере вещи красоте слова прилежнейшии. Португалскыи же, полудневым путем и приморскими Есперицких остров рыбаццов ефиопов и равнодневнаго солнцалетняя возвращающа преплавающе, на восток доидоша, многыя же и великия и преже незнаемыя острова и самыя Ниловы источники, и глаголемыя троглодити, рекше под землею в пещерах живушаа, обретоша; и оттуду Аравийскою и Персидскою пучиною к приморскимъ Инди, яже внутрь Ганга рикы есть, иде же ныне велие пристанище, тожде же и царство есть, Кааикут нарицаемо, доидоша; оттуду к Тапровани,⁷ юже ныне Заматру наричют, приплуша, иде же бо Птоломеи и Плинии и инии миросписатели Тапровани быти списаша, ни един ныне зрится остров; оттуду к Златому Херсонису, иде же ныне Малака преславнейшии град, величайшее восточное пристанище есть, доплуша; оттуду в пучину величайшую⁸ внидоша, даждь и до синских язык, их не ныне схина⁹ наричют, идеже обретоша языкъ беловиден и велми благодителен и подобен ерманом, рекше немцом, съседом нашим, непщуют, даждь до того простиратися сиром¹⁰ и восточным скифом.

Обаче, аще и неистинен слух обношашеся в толико к восточной части приплувшим португалским, яко своя пределы прешедшим, к спанским пределом приплыти, Малацъ же и велицей пучине в кастеланскихъ пределех обдержатися, обаче вся глаголи паче инако, нежели истинна вменишяся, дондеже преже четырех лет Фердинард⁶ Магелан, португалскыи мужь знаменитыи, иже и лета многа португалскихъ кораблей начяльникъ бысть, вся восточныя страны обыде, негодования ради своего || краля, его же и укоряше, аки неблагодарна к нему бывша, и Христофор, моего тестя брат,¹¹ иже безчестна ради, его же к сеи прият от краля португалскаго, в свое отечество Кастеллу, рекше Испанию, возвратистася. Та кесарю глаголаста, не убо явствене разумно бывше, аще в кастеланскихъ или в пор-

^а В ркп. островъ. ^б Так в ркп.

тугалских пределах Малака обдержится, заеже ни едино еще известно слово, обоя длины мощи обрести доволне обаче являтися, глаголаху, великую пучину и языки синейския испанскому плаванию пристояти, оно же зело быти известно, яко нарицаемии Молукитцкия острова, в них же вся раждаются арамати, и откуду сия в Малаки превозят, в западной кастеланской чясти обдержатися, и мощно быти к островом онем плавающим, удобнее оттуду и менших изнурении и цене, аки в самой арамотносней, земли купуеми арамати к Кастилии преноситися, плавания же, слово бе, яко от запада нижним мисферием,¹² рекше полукругом, даже до вьстока корабли плыти. Сие же явися зело не неудобно и безместно, не яко тако же видяшеса, еже прямым путем от запада к востоку нижним мисферием корабли плавати, но яко неизвестно есть, аще непостижимаа създателя премудрость, яже ничто же кроме крайнешаго разума в бытии приведе, тако вьсточную страну от западных, ово убо пучиною, ово же сушею разделила есть, яко обхождением сим и течением плавания мощно к востоку преходити, ниже бо бе ведомо, аще убо многаа она страна, юже и землю твердо наричют, пучину, яже к западу от вьсточных разделит, тако же и изобретенныя ими оная обоя страны северныя, их же ову убо

л. 20 об. Бакалеариду тезоимените || новоявлены рыба,¹³ ову Цветушу землю¹⁴ именуют, яже убо аще суше оной совокупаются, никако же мощно быти от запада к востоку преплыти, но сквозе предел португалских и вьсточных страны, начинание неизвестно и велми бедно преплыти, разсуждаху. О нем же кесарю и сущым о нем явися, яко они упованием получения великих вещей и вьспираеми на таковаа неудобная дерзати не ленятся, яко же убо обои на всяк день предстояху кесарю. Маггелан убо обещался отплыти, Христофор же изнурении своими корабли уготовити, аще токмо велением и способством кесарским леть будеть плаванию прикасатися; и донеле же любопретелне имеяхуса, кесарь сам повеле им уготовати своих пять кораблей. И тех начальник Маггелан избран бысть. И заповедано бысть им, яко к приморским новообретенныя земля к югу приплыти, донеле же или конец тоя, или перевоз некий обрящут, им же к ароматносным Молукитцкым островам прилыти вьзмогут.

Отплы убо о сих Маггелан в 10 день августа месяца с пятию корабли от Испании. Отнюдь же малыми деньми к благоугодным островом, Канариа ныне от всех нарицаемым, доиде и оттуду к Есперитцким островам устремися. От них же свое течение посреди запада и полудни к яже мало прежде помянутей мною оной суше управляше, и внутрь диеи неких благопешно носими, губа некаа открыся им, еже и Святыя Богородица Марии¹⁵ нарицание положиша, иде же Иона Рудии,¹⁶ корабля единого начальник, по приморским суши оная кораблем плаваше, от сущих тамо чело-векоядцов, их же канибалов индеане нарицати обыкоша, с некими своими

л. 21 товарищи снесен бысть прежде. Оттуду || наши безпрестанным течением приморскаа суши оная преплаваху, яже далнейшим разстоянием к югу и мало что к западу укланяющася простираются, тако обаче, яко множайшими степенми првшедше весеняя солнца возвращения, но не тако удобно, яко же рех, в последний бо день марта месяца последующаго лета дошедше в пучину, юже убо нарекоша именем святого мученика Иулиана,¹⁷ здесь Андарктика круга 40 и 9 и полступени^в вышше своего оризонта, рекше края небеснаго, возвышена обретоша, юже убо звезду наипаче наши корабленици наставницу именют. Длину же, яже от Благоудных остров¹⁸ к западу 50 да 6 степеней быти предаша. Открытаа же им пучина велиа

^в В ркп. полступни; здесь и дальше, где встречается полступни, ступни мы даем написание полступени, ступени.

видяшеся и превоза видение подааше, ея же ради вины Маггелан корабленачалник пучинное уставление двоим кораблем размотрити повеле, прочая он на мори утвердив якори. По двою же дню възвестися Маггелану, яко пучина она не велими глубока есть, ниже много от суши разстоит.

Наши же в еже возвращатися, индов неких видеша, при брезех раки събирающих (индов же наричют просто всех жителей незнаемых прежде стран), иже беша доволне высоци возрастом, пядей, рекше, десять, кожами зверинами обложени худьши. Яко убо неции от наших к ним изшедше, бумаги написаны им показаша и колоколи възвениша, начяша к оному поселянскому и неустроенному шуму и пению окрест наших играти, и даже увещают наших удивлтися себе самех, лакотныя стрелы пущаху безмятежно гортанем своим до дна своих желудок, яже паки абие извлачяще, свою крепость вснь образом сим показующе, радоватися. Видяху ся, приступиша обаче || три, аки посланники, и наших мааний некими моляху, якобы с ними внутреняя земли проити, иде же всяческо им гощение покажут. И Маггелан посла с ними мужь седмь добре въоруженых, яко бы страну ону и язык с всяческым прилежанием, поелику возмогут, обозрети. И иже с ними к средним странам, аки седмь поприщь прошедше, доидоша в пунду и неудобпроходну дебрь, иде же колиба съделана бе вельми худа и кожами зверинами покрыта; два же беша в ней жилища, ово убо женам с своими детми, ово же мужем отделено, 13 убо числом жен с младенци бяху, а мужен пять. А иже в них являем честнейши звериным уготвлением странныя приати, заклася животн онагра, его же мясо полыварена нашим предложиса, ни единому иному брашну или питию предложену. Нощи же достигши, нужда наста нашим под кровом кожным, кроме обычая, леши спати, зелнаго ради снега и ветреняя бури. Дню же просвещьшу, наши повелеваху им, да всеродно к кораблем с ними пойдут, еже инды надолзе отрицающеся, а наши повелителнейше к сему нудити их приложивше. И завещание бысть, яко трием мужем, своих оставльшим, с нашими к кораблем итти. И сице идяху к кораблем. Но в еже наши не токмо течение исполинов, но ниже тихое их хождение своею скоростию достигнути не можаху, два от них уклонившиися от пути на възыскание онагра, далече негде на горе пасомаго, аки бы того яти, бежанием отидоша; третии же в корабли отвезен бысть, но неядением по мале днех житие сконча. Воевода же Маггелан, аще и многожды по сих к суше онои пришед, възыскал, обаче ни един к тому обретеся, но вси вкупе кушу ону спрятавше, инде негде || преселившеся, отыдоша. Тем же, аще и на многи дни в пристанищи оном пребыша наши, но ни единого инда к тому на брезе оном видети възмогша.

Л. 21 об.

Л. 22

Маггелан же, и аще веды неже тамо на множае время пребывание не полезно быти, но поне же тамошнее море на некия дни колебьшеся люте и небо свыше тако же смущашеся, и страна она по всему к югу простирашеся, яко иде же ни аще напред плавают, тамо паче студнейшу страну им обрести, понужи отплавание, еже оттуду день дни ими отлагашеся, донеле же убо маи месяць уже наста, от него же начя в толико люта и грознейша тамо зима быти. Предвидя убо Маггелан, яко на должайшее плавание прострется, повеле да менее подают сущим с ним вседневныя оброки, да яко на множае, еже от них подаание удовлит. Испани же, аще и до неких днех благодушне повеленное подъяша, но зимныя зелности и страны оная лютости убоявшеся, помолиша своего корабленачалника Маггелана, яко понеже уразумел страну ону к полудни простирающуся по всему и ниже конца ея, ниже перевоза надежно оставлени и зима люта належит, но и мнози от них неядением и нужным скудостию житие преме-

ниша, и кесаря, глаголаху, неколи же такового разума бывша, яко любо претелне некоему покушатися, ему же противляются и естество и прочая неудобства, но и корабленачальнику глаголаху: твоя труды и болезни довольно уже явствене и искусни явишися и наипаче понеже до того приплухом, иде же ни едино школи же человеческого смелство или дерзость проити удерза, но и мощно, глаголаху, ветру от полудни веявшу, аще к югу парус исправят, удобнейши внутрь малых днех, в благорастворену некую || страну дойти. Но Маггелан, ему же уже съветовано бысть — или умрети, или начинания к концу произвести — противу отвеца, яко от кесаря расписано ему есть обхождение плавание и не имети власти, но ниже хотети преступити повеленнаа, и сего ради до сего приплувша се бе яко страны сея или конецъ или перевоз достигнут, еже аще зиме възбраняющи в настоящем съдеатися невъзможно, но время лета удобнее възыскание будет страны сея, аще убо мы тогда к стране южнаго круга настоящиа земли плавание исправим, иде же нам все оно лето един и не вечернии день будет. Быти же, глаголаше, аще токмо произволят откуда и скудость нужных и лютость зимнюю облегчити възмогут, зане же и дров изобилие много, и море различных роди рыб нарочитейших подает, и источници добрейши же и сладчайши, птиц же и четвероногих лову страна хотящим дарует, хлеб же и вино, яже с ними, и до сего не оскудеша, ниже напред оскудети, аще токмо в нужную потребу и здравиа снискание, а не в излишнюю сладость и суетно наслаждение изнурятися хотят, ничто же еще, глаголаше, ведети им съдеанно бывше или удивлению достойно, известоваше же сие съществовано себе уже бывше, яко произволяет паче последняя страдати, нежели с безчестием в Испанию възвратитися. Последи же оно съветоваше им, яко оста ночную зиму благодушно подъяти, толико бо лучшаа въздаания им възпринати, елико болшими труды и бедами, но в и незнаемыи мир, араматы и златом изобилиющъ, кесарю обрящут. Маггелан убо своих товарищов мудрования сею беседою укрещеных же от въставленых уразумев.

По мале же днех неправедно и мерзкою крамолою стужение подъят, корабленое бо множество друг к другу начаяша глаголати: || о яже знала. 23 чала межи португалских и кастеланских ненависти и Маггелана португалина быти, и ничто же ино от него своему отечеству славнее мощно исправитися или кораблей сих и толиких велелепных мужей зле погубити, ниже веровати лепо есть, яко възжелание ему есть Молукитцкия острова обрести, но довольно ему будет, аще кесаря възможет на время некое тцкими надежьми прелщати, посреди же сего и новейшее что всяко случитися, чаати его же для кастелане араматыскаго възыскания отступят всячески, сего убо ради ниже прикоснуса шествию носящему к Молукитцким островом, но к неким странным снегом и мразом и безпрестанному въздушному нерастворению. О сих Маггелан зело прогневавс, уцеломудряет товарищев. Но некогда съгласившеса убо противляющиися събрание в един от пяти кораблей влезоша и еже к Испании възвращение уготовляют. Маггелан же с прочими, елици словесем его еще внимаху, кораблю оному нападают, и начальствующаго в нем и иных преимеющих зело казнил. Обаче но ниже престаша же друг к другу шептания, отнюдь уже и ненависть сия глубокайши коснуса кастелановым сердцем.

Но Маггелан, егда первое уразуме и морския бури и зимнюю лютость укрошленных, отплу от брега святого Иулиана в 24 августа. И яко же прежде многими деньми страны оная простертие к югу зрящее преплув, явися ему губа некая, юже и Честный крест¹⁹ нарече, иде же велико их и лютейша буря, от востока въздвигшися, озлобаше; един от пяти корабль извержен бысть на брег и сокрушися, всем, иже в нем кораблеником не-

вредным съблюдшимся и с своими имении, кроме единого раба ефиоплянина, иже волнами объят, потоплен бысть.

Оттуду земля явися мало посреди восточных и южных страны простерта, юже по обычаю своему разсмотряюще; в 22 септевриа устие некое, видение перевоза показующе, открыся им. || Вниде в не абие Магелан всеми корабли, иде в еже смотрити различныя бреги повелевает и сущим с ним вся она корабли прилежно озрети, аще негде прохождение явится, их же сам до пятого дни дождав на устии морском, паки прият их кроме единого, его же начальник беаше Алва Месхит, братанич сыи самого Магеллана,²⁰ различными бо луки брега оного в пучину ону изведеса, яко же бо испании уразумешя себе далече уже от прочих кораблей отстояти и, яко възвратятся в домы съгласившеса, корабленачальника своего Алвара в юзы ввергоша и своего шествия, еже к северу, яшяся и, вкратце рещи, Ефиопския бреги достигоша, иде же нужнаа себе собравше восьмий месяць, по еже отлучитися им от прочих, в Испании приидоша, иде же Алвара от уз свободиша. Магелан же, по еже ждати ему корабля оного дни некия паче уставленнаго времени, и другии пришед и възвещающе, ничто же ино, токмо море неглубоко обретше и праги и камене висоци, а третии, възвращеса, море сие величаише, глаголюще, быти и влоя образ имети, зане же три дни бегающе выхода убо не обретоша ни единого, но елико дале произыдоша теснее присно морское разстояние обретоша и глубину такую, юже в многих местех ни единыя меры глубиною достигнути мощно бе и яко же угадаша от воднаго раскипения и зелнейшаго течения волн прехождению всячески туда быти к инои некоеи пучине. О сих надеався, расудил есть влоем сим ветрила ветром отворести; бе же влои сен, преже незнаемыи, шириною овогда убо триех, овогда же двою поприщ италийских, гибляше же есть мало к вечеру, высота же Андарктика круга, рекше недвижыма южныя звезды, обретеса 50 и дву ступени, а длина влоя равномерна длине заводи святого Иулиана.

Наста же уже || ноеврии месяць, и ночь имяху мало боле пяти часов, человека ни единого на брезе том не видяху. Но Магелан, зря страну ону непроходну и жестоку и к сим беспрестанными мразы померзающеся, недостойно, расуди, множайших днех изнурити в еже възыскови ея, ея же ради вин в трех токмо кораблех беспрестанным течением в внутреняя влоя произыде по 20 и 2-м дни, отнеле же в нем плавати начя, в другое море широко и пространно отведеса, длину же влоя, утвержаху, быти близу ста испанских миль. Виде Магелан землю одесную их к северу простирающеся и повеле оставити великую ону землю одесную и пространным онем и величайшим морем, по нему же не вем, аще когда или наши, или чюжие корабли преплыша, и прямо по оной стране плавание творити от запада на восток, доволне бо възыскася им, яко далечеше на восточе суть Молукитцкия острова и zelo далече отстояти полуденныя страны. Туда убо беспрестани корабли, текуще, плаваху и сице 40 днии зелным и споспешным ветром носими и ничто же ино когда разве пучину пространну от обоюду зряще. И сицем и паки к весненным солнечным възвращением корабли плавающе, се сретошяся им два острова, обаче малы и неплодны обретоша я, обаче покоя для и прохладнения телеснаго, ибо к лову рыбному велми прилична бе пучина она, два дни на тех пребыша.

Та же паки оттуду отшедше, беспрестаннаго оного течения крепче держакюся, донеле же убо тримесячное время и днии 20 верху пучины оной ношахюся, беспрестани зелнейшими ветреними веанияи гоними беаху, явися им остров некий, Инвагана²¹ нарицаемыи, яко же последи от тамо живущих разумешя, его же ближеа плавающе, обретоша || высоту Арктика круга, рекше полуношныя недвижыма звезды ступени 11, и иныя на

инья, еже оттуду острови видяху. И видеся две кано индейские, рекше струги, от единого древа състояние имея, якова же суть глаголемаа от нас моносила, рекше единодревная судна, вмещающе единого или два человека. И маании, и знамении, аки немьи к немым беседоваша с ними, и от них навькают и островом нарицания, и откуду мощно им будет снискати изобилие брашен, их же скудостью многою озлобляеми.

Оттуду к острову Кселани²² плаваша, иде же нападе на них буря. яко не мощи им к острову оному корабли ввестися. Отнюдь уже в Масани²³ остров ин отвезошяся, иде же игемон некий триех островов власти имеаше.

Оттуду в Субульф²⁴ приидоша. Остров же сей широк и zelo велик, иде же завещанием бывше к игемону острова абие излезоша ис кораблей, иде же божественныя тайны, яко же обычаи христианом есть съвершать, наста бо божественный праздник въскресения оного, еже нам спасение дарова, тем же и на брег от ветрил корабельных и ветвь молитвенный храм и в нем олтарь учиниша и отеческим преданием божественныя тайны съвершают. Игемон же притече и с ним индейское множество zelo много, иже, съвершаемаи тайнам видеяся, насладившися такоуеи божественей службе, и корабленачалиника и неких от преимуших приведоша в шатер игемонов и яже имеаху брашна предложиша им, хлеб же, его же они сага наричют, беяше от древа от финик, сие древо на чясти разсекаемо и маслом пряжемо сицевый хлеб дает, от него же и посылаю честности твоеи частицу
л 25 некую; питие же бе им исток некий, иже от финик, ноже || резаемых истачати оттуду обыче, но и птицы уловени трапезу наполняху и страны оная овощи. Виде Маггелан в шатре игемонове некоего недугующаго и уже истаавша, испытует, кто убо сей будет и каковым недугом озлобляется. Разуме, яко внук есть игемонов и два лета уже зельною опницею стражет, благонадежну ему быти повелевает, аще бо, рече, Спасу Христу верует, абие спасение и прежнее здравие въсприимет. Слагается сим недугуи и животворящему кресту поклонився, крещение принимает, и в последующий день здрава себе быти укрепляше и, въстав от ложа, хождаше, пищи коснуса, яко же и прочии, и сну. И по сих сам игемон вкупе с двема тысящама и двема сты божественую баню прият и Христову славу и веру облобыза.

Маггелан же, острова оного уразумеv богата суца златом и бисером и к сим сице благоустроена бывша к окрестным островом, яко оттуду удобне мощи изследовати их изобилиа и доходы, и сего ради приступает к игемону субульфскому, увещает его, глаголя: «Понеже ты, оставив суетную и беззаконную многих богов веру, Спасу Христу прилепился еси и яже в нем веру изволил, праведно есть даже и прочии ближних островов начялиници твоеи дръжаве и повелению покорятся». И даже прочее о сем советует послов посылати и не хотящих покоритися повелению его оружию сему понужати. Годе бысть варвару совет сей, посланники послани бышя. Приидоша же и иные местоначалиники и субульфскаго игемона почтиша отеческим обычаем.

Беаше же некий близ остров, Маутан²⁵ нарицаемый; его же игемон преимяще^г иных по оружию и воинством, сей охрест поклонение ему же издавна повелевати.^а Но Маггелан, начатое уже собою съвершити желая, вооружитися повелевает четыредесятим от своих товарищ, их же добродетель и яже в бранех твердость искус||ством ведаше, и с ними к Маутану
л 25 об прииде в струзех, близ бо остров сей беаше. И субульфский игемон приложи

^{г-а} Начиная с последнего слова слова преимяще и кончая словом повелевати написано на поле

ему неких от своих, иже и острова положение и естества мест им покажут, и аще их требуют на брани, да пособят им. Маутынский же игемон, наших прияти ожидая, аки три тысуца от своих, на поле изведе. И Маггелан своих не со многими стенобитными сосуды на брезе постави, иже аще и много менша супостатных числом себе ведаше, — обаче дерзну бранию с ними сразитися, нежели отступить, — и субуфстяном показа не на брань их с собою, но к зрению своих товарищ храбрѣства и яже на брани твердости привести. И сице убо находжению бывшу на супостаты брань крепкаа от обою бысть. Но заеже супостаты числом превѣсждоу наших, убѣен убо бысть сам Маггелан. Прочии же, аще и не суть явствену оделени быша, падшу обаче воеводе, назад ступати начаша, их же супостаты отступающих от брани гонити въслед не дерзнуша.

Конечне възвратишя испании в Субуф, погубивше своего воеводу Маггелана и иных седми товарищ. И тамо новаго корабленачальника избирают Ивана Серана,²⁶ мужа неудоб небрегома, иже абие преже бывшая завещания к Субфскому игемону вторыми дары обновил есть и маутанскаго игемона покорити ему обещаваеся. Но не на добро събывшяся ему обещанная. Имеаше бо Маггелан раба некоего от Молукитцких остров род влекуща, иже испанский язык невозбранно толковаше. Сеи убо Маггеланов раб бысть на брани маутанстей и малы некия язвы в нем прият, отнюдь уже всегда упраздняшяся в навикании бранных. Серан же, иже без него ничто же действовати можше, запрети человеку жесточаишими глаголы и тягчаишее иго работы подъяти и лютеишее биение, аще не прилежнише налагаемая ему служения исправит. Раб убо от глагол сих || велию ненависть к нашим имети начя, съкрыв обаче гнев. По неких днех приступает к субуфскому игемону и сказует ему, несытну быти испанскому сребролюбю, и сие им в разуме быти, даже одолену бывшу маутанскому игемону, на него по сих встанут и пленника отведут. Верит вся сия варвар и мир с маутанским игемоном и с прочими местоначальники отан творит, и на пагубу наших съвещевают. Призывается на многоценный пир корабленачальник Серан и прочии преимеючи числом 26. Сии вси, ничто же зло сумневшяся, без соблюдения и спроста и аки с игемоном обедати хотяше, на землю излезоша. Вънегда же обедати, нападают на них, иже от варвар учинени бывши улавляти, взяша кличь отвсюду и в корабли възвестися наших пагуба и яко весь остров во вражду возгорся. И от корабль зрят наши честный крест, его же на древе поставиша, на земли от варвар с неистовством повержена и на дробне разсечена. Оставше иже ся на кораблех испании, товарищ пагубу услышавше, и болшиа наветы чаавше, якори взяша и ветрила скорее ветром отверзоша. По мале же и Серана на брезе окааней связана приведоша варвари, иже и с слезами моляше своих, да его от лютаго пленения избавят. Наши же, аще и срамно умышляху своего начальника сице оставити, но льсти и навет бояшяся, ветрила простерше, елика мощно бежаху, оставльше Серана на брезе зле слезы проливающа и от своих помощи не имуща.

Испани же, воевод и товарищ погубивше, скорбяще и сетующе, корабли плаваху, не токмо о беде и товарищ пагубе смущени, но яко в толь малеише число доидоша, яко не довле||ти им три корабли управлять. И приплывают к ближнему острову, ему же Кохоль²⁷ нарицание бысть, иде же общим советом третии корабль огню предаша, и яже в нем потребная в иных два пренесше.

Та же отгуду к острову Гибеф²⁸ приплуша, его же аще и златом и инбиром и иными некими многими богатеюща разумешя, но долго на нем пребывати неполезно разсудиша, заеже тамошних индов ни единым благоумием мощи привести, но ниже оружии мали бо зело оставша.

Оттуду к острову, Порни²⁹ нарицаемому, устремишяся. Два на той пучине бяху острови величаиши и пространнейши, их же другии Силоли³⁰ именован бысть, его же царь 600 сынов имяше. Но убо Порни больше есть Сылоли, его же едва на шесть месяць объехати мощно есть, Порни же в трех месяцех, глаголаше. Но яко Силоли величаиши, сице Порни земным благоплодием тучнейши и града величеством светлейши есть. От него же и прочая благы нравы и честно ражанство приимати показовахуся. Суть убо вси островляне сии кафре, сиречь язычници, и солнце и луну богом быти нещуют и солнцю убо дневную въсписуют державу, луне же нощную, оно убо мужа, луну же жену мудрствуют и прочим звездам родителей тех именуют, их же и богов своих, обаче меньших, быти мнят; солнце въсходящее пении некими целуют, паче нежели поклонятся, а луну в нощи снающе; от них же себе убо чяда, скотом же рождение благоплодно, земли же тучна плодоношения и некаа ина сицева просят. Кротость же и правду почитают, изрядне же мир и безмолвие обლობызуют, брани зело ненавидят, своего царя, велми почитающа мир, зряще, яко же бога почитают; л. 27 аще же браней любителя уразумеют, не молчат, до||инде узрят его руками супостат в брани убита; иже иде же аще бранию поити разсудил, еже редко бывает, первыи от своих в ополчении уставляется, иде же все супостатное устремление подъяти понужается, ниже яростно на супостаты движаются, преже нежели егда услышат убиена бывша царя своего; тогда бо первее о свободе своеи и о хотящем в них царствовати подвизатися начинают, не явися когда у них царь бою виновен, иже не убьен бысть в бои; ея же ради вины редко брань съставляют, пределы тицатися простирали неправедно нещуют. Всем же изрядно есть начинание, еже окрестным языком и приезжающим странником ни едину обиду подъяти; аще же когда сами обидими будут, равными обидивших воздаруют и даже не на множае зло възрастет, абие в единомыслие стекошяся тишиною и глубоким миром наслаждатися; никако же у них разбоиничество, ниже чело- векоубийства. Храминны имеют худы, от дров и берния състоани. В граде Порни³¹ острова 20 000 дворов быти, поведошя. Хлеб у них от ориза⁶ съставляется, питье же у них, яже от изрезаемых финических ветв иста- чаема мокрота. Оттуду нашли к Молукитцким островам потцашяся, их же князь острова Порни показа им.

Доидошя на брег Солуский,³² иде же бисери равни величеством яциу горлицину, есть же негде и курицину уразумешя. Таковии же бисери в глубочайшей токмо пучине собираются. Уловиша обаче, глаголаху, в оной пучине рака, его же плоть потянут 40 и 7 литр, яко поведашя им острова Порни жители своего царя носити на главе в венци два бисера, яциу утицю равни величеством. Оттуду в остров, Вигилон³³ нарицаемый, доплуша, иде же видеша человеци, толь велиа и висяща ушы имеющи, яко и плещама коснутися о них же, нашим дивящимся. Поведаша им ту живущии, || недалече отстояти иному острову, в нем же быти чело- веком не токмо висяща, но толь широки и велики ушы носящим, яко вънегда стужатися им от зноя солнечного единым ухом всю главу при- крыватьи.

И оттуду наши к Молукитцким прямо устремишяся, иже и обретошя острови суть числом пять, Таранти, Мутила, Федора, Мара и Матфиана³⁴ нарицаемии, где убо внутрь, где же далее, где же и под самым полуднев- ным лежаще поясом, ов убо носит карюфила, рекше гвоздики, ов же орех мушхат, ин же корицу; суть же близ друг друга, обаче мали и велми уски. Их же начялствующей не пред многими леты начяша верити бес-

⁶ В ркп на поле имеетя примечание к слову ориза: ориза — сорочинское пшено.

смертным быти душам. И тех же обычаев и нравов стяжают, яко же и жителем острова Порни показяхом. Суть же велми убози, заеже у них ничто же ино точию арамом раждатися, питают же ся хлебом, иже у них сагом нарицаемым, и рыбами. Что много глаголати вся, яже у них худа и нечиста, кроме мира и безмолвнн и арамом, еже и обое благодатно в истину есть и крайнее благо. Но от нашей сея вселеннн превелие человеческо безаконие к ним пренесено бывше видится, а яже у них араматы, еже в нас живущее сребролюбие и гортани несытное бесование понудиша нас в толь удаленом их испытovati мире. Сиде человеческое ласкордьство не попускает ниже елика к здравию споспешествуют взыскovati, ниже елика нечистоту и блуд растаху далече отгоняти.

Наши же и Молукитцких островов положение и коегождо острова естество познавше и сущих в островах князеи обычаи испытавше, в остров Федоров доидоша, зане остров убо изобилием кариофильным, рекше гвоздикою, иных превосходити, разумеваху. || И приплывше на земле излезоша, игемона целовавше, проносят ему дары, аки от кесаря посланы. Он же дары с любовию прием и на небо възрев, уже, рече, два лета исполняются, отнеле же звездными наставлении уразумех вас посланных от великаго царя царем к возысканию наших земель, отнюдь уже ваше пришествие толико мне дражайше и сладчайши есть, елико звездными знаменнн от множайшаго уже времени предпознано мне бысть, и елма ничто же таково збывшася вем, еже издавна счастием и звездным обоишением предлучинено бысть, не таков буду яко нудитися или счастию или звездным знаменованием противитися, но волею и с радостию в грядущее, царскую гордыню отложив, себе възмню о имени токмо вашего царя острова того деистовати устроение, тем же корабли в пристанище въведете и прочих товарищ на земле свободне извести повелите, яко бе поне ныне по толицем морском заблужении и по толиких бедах опасне наслаждатися мощи местным страннолюбием и телеса своя прохладжати, ниже ино что да смышляите, токмо вас в обдержании вашего царя пришедших. Сиа рек держаяи и венець сънем, по единому всех целует и яже остров брашна носит принести ся повелевает. Наши же о бывшем обрадовашася, к своим товарищем въвзратишася и съдеаннаа возвещают. И сиде о сем игемонным страннолюбием и любовию насладившеся, островом свободне наслаждаются, иде же яко на некыя дни царским сим любочестием прохладжшя себе к прочим князем окрестных островов посланники отсюду посылают к смотрению и островов изобилиа и якобы начяльников || разумы укротити. Л. 28

Остров убо Тарани ближак инех беаше, иже убо и наименншии есть, яко и мало что вящши шестих поприщ италийских округ его. Сего же близ есть Матфиани, обаче худ и сеи остров. Три сии острови велие изобилие кариофильно * носят и множае паче на четвертое лето. Древа же сиа в щелех каменных токмо раждатися обыкошя и в толико учащаются, ико и в дебрь многажды бывати им. Есть же древо то по всему подобно дафни, рекше бобовкому древу, теми же листы и ветми украшено, тако же и высокою тою же возвышаемо. Кариофил же, сиречь гвоздика, раждается убо в край ветви древес тех. Сады же древес сих разделяют межи себе, иже ту жителне, яко же и мы винограды. Кариофил же съблюдают сиром, дондеже от купецъ принесется инде. Четвертнн же остров, Мутила нарицаем, не болши иных суще, кинамом раждает. Древо сие стропотно есть и инако бесплодно и сухоте радующеся, сего кора солнечным варом разседаема от древа отскочит и сиде по малу солнцем иссушаема корица бывает. Близ же Мутили тоя есть остров ин, Бада³⁵ нарицаем, Молукитцких островов Л. 28 об.

* К слову кариофильно на поле имеется примечание: гвоздики.

болши же и пространенши. В нем мушхати орехи раждаются; древо же сне долго и пространно ветвьми есть, прилично же есть древу, иже киевския орехи. Инбир же во всех, иже по оной пучине островех везде раждается, ово убо сеемо, ово же и самородне прозябаемо, но сеемыи лучши есть; былие же уподобися траве шафранной и по оной и тот коренем есть, иже и инбирь есть.

Наши же от всех, иже по островом князеи любезне прияти быша, и яко же князь Феодоров, и тии кесарской державе себе покоришия. Испани же, заеже два точию осташи им корабля, разсудишия и от прочих убо аромат малую часть прияти, || ³ кариофили же ^н наипаче ^к корабли обременити, ибо в лете оном обилне сих плодоносие бысть, и зане рода ароматы сея болшую часть могут корабли прияти. Исполнивше убо кариофилли кораблии и от князеи островских грамоты и дары к кесарю приемше, возвращению прикасаются. Грамоты, яже от них, исполнены веры и благоговейства бяху, дары же мечи бяху индейский; ина сицева изрядне же мамукодиата, сиречь птица божиа, ею же себе невредным и непобедимым в бранех соблюдатися мнят, пять же от сих послаша. От них же едину испросих у корабленачальника, юже и твоеи честности послах, даже реткостью и красотою ея наслаждаешися. Посылаю к сим и киномома некую часть, и мушхата и кариофилла, да уразумеет честность твоя, яко аромати наши не токмо не худъши суть венецеаны и португалины приносимых, но и благороднеиши, заеже быти им паче свежим.

Л. 29 об. Нашим убо от Феодорова острова отплывшим паче надежда, един от кораблии, болши дну временем многим сокрушившуся, воду прияти начя, отнюдь уже и к острову Феодорову возвратити понудишися. Испани убо, разумевшя яко таковое неудобство не сице удобне подъяти возмогут, но с многим упразднением и деньми не малыми согласишия, яко другии корабль да плавает к губе Катигарстей ³⁶ и оттуду по пучине болшей и елико мощно далече от индейских брег, яко да не узрится от португалиских, доинде же достигнет Африкийскую губу, ³⁷ откуда же и не неудобно, еже к Испании будет плавание. А другии корабль, абие поеже починен будет, величайшею оною пучиною и бесконечным окианом к брегам предпомянутыя твердыя земля плавание творит . . . ^а иде же страну оную || обрящуть, яже лежит ^н противу Дарионския земля, ³⁸ иде же велми ускуым влоем южная пучина она от западныя разделяется, в ней же суть кастеланския острова.

Отплу убо о сих завещании другии корабль от Феодорова острова, и внутрь полудневнога круга на 12 ступеней пльвшя, Катигарскую губу, юже Птоломен за полудневым кругом далече простиратися мнит, не обретошия. Но поеже измерити им множайше морское расстояние в Благыя надежда губу ³⁹ и оттуду в Есперитских островех доидошия. Елма же корабль сеи многовременным плаванием сим претружен быв, воды начерпати начя, и кораблеником не могущим скоро вылиати воды, сего ради и в един остров, Святым Иаковом ⁴⁰ нарицаемыи, излезошия, якобы себе рабов купити, и заеже не имети сребро, яко же обычаи есть кораблеником, кариофиллон за рабы дашия. Сие же, иже тамошняя устрающе, португали слышавше, тридесять от наших в юзы въвергоша, а оставшей осмь на десять точию бешя, о не начаемом убо сем ужаснувшяся и товарищи оставивше, скоро

³ Мы даем сначала текст, находящийся на оборотной стороне л. 29, а затем текст его лицевой стороны, так как в рукописи л. 29 вклеен неправильно (перевернут). ^н же добавлено: очевидно, находилось над строкой на верхнем обрезанном поле. ^к же добавлено: очевидно, находилось над строкой на верхнем обрезанном поле. ^л Кусок листа с частью строки вырван. ^т добавлено: очевидно, на верхнем срезанном поле находилась выносная буква.

к Испании потщашся, иже и по 16 месяцев, отнеле же от Феодорова отпуща острова, цели и невредни оставшей в 6 день септевриа в Испанию придоша.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лиситаннискии град португалскии. В подлиннике «Lusitania Portugalensis», т. е. Португалия.
- ² Златой Херсонис. Название Малакки, заимствованное у античных авторов
- ³ Корабленачальник. Имеется в виду Хуан Себастьян Эль Кано — капитан, приведший «Викторию» в Севилью.
- ⁴ Яко от Есперицких, рекше Вечерних остров, их же ныне Зеленаго краю наричют. Здесь в тексте у Максимилиана Трасильвана спутаны два разных архипелага: острова Гесперидские, или Вечерние, и острова Зеленого мыса (в переводе «Зеленого края»), или Азорские. Разграничительная линия между Испанией и Португалией была проведена в отсчете от островов Зеленого мыса.
- ⁵ Теноктик — Теносике, древний город государства Майя на границе совоемной Мексики и Гватемалы, открыт испанской экспедицией в 1519 г.
- ⁶ Петр Мученик — Пьетро Мартир д'Ангиера (1455—1532), автор истории испанских открытий в Новом Свете — «De novo orbe, decades».
- ⁷ Тапровани — древнее название Цейлона, а не Суматры.
- ⁸ Величайшая пучина (лат. Sinus Magnus) — Великий, ныне Китайский залив.
- ⁹ Схина — название народов, населяющих Китай.
- ¹⁰ Сиры — народ восточной Азии, иногда отождествляемый с китайцами.
- ¹¹ Христофор, моего тестя брат. — Кристофаль де Аро, глава торгового дома, ведший обширную торговлю пряностями; Максимилиан Трансильван был женат на его племяннице.
- ¹² Нижнее мисферие — южное полушарие.
- ¹³ Бакалеарида, тезоимените новая явлены рыба. Бакалеарида — в подлиннике «regio Bassaleogum», буквально «страна трески», часть побережья Северной Америки в районе нынешнего Ньюфаундленда, известного изобилием этой рыбы; Трансильван подчеркивает, что треска стала недавно известна (в переводе «новоявлена рыба»).
- ¹⁴ Цветуща земля — полуостров Флорида; в XVI в. этим названием обозначали иногда обширную область североамериканского побережья от собственно Флориды до современной Канады.
- ¹⁵ Губа святяга богородица Марии — мыс Санта Мария в устье реки Рио Ла-Платы.
- ¹⁶ Иона Рудии — Хуан Рудияс де Солис (1470—1516), известный испанский мореплаватель. В 1515 г. стоял во главе экспедиции, искавшей юго-западный проход в Индию, открыл устье реки Рио Ла-Плата и в 1516 г. погиб в этом районе в стычке с индейцами.
- ¹⁷ Пучина святого мученика Иулиана — залив Сан Хулиан.
- ¹⁸ Благоугодныя острова — Канарские острова, которые известны под многими названиями: Островов Блаженства, Счастливых островов, Гесперидских (т. е. Вечерних).
- ¹⁹ Губа Честныя крест — залив в устье реки Санта Крус.
- ²⁰ Алва Месхит, братанчи сын самого Маггелана — Альваро де Мескита, капитан корабля «Сан Антонио», двоюродный брат Магеллана.
- ²¹ Инвагана — в подлиннике «Inaugana», вероятно остров Пука-Пука из группы островов Таумоту.
- ²² Кселани — остров Селуан.
- ²³ Масани — остров Масава.
- ²⁴ Субусф — остров Себу.
- ²⁵ Маутан — остров Матан.
- ²⁶ Иван Серан — Хуан Серран, португальский мореплаватель, начал экспедицию в качестве кормчего и капитана «Сант-Яго», после его крушения у берегов Южной Америки получил под командование «Консепсьон», после смерти Магеллана стал во главе флотилии.
- ²⁷ Кохоль — остров Бохоль.
- ²⁸ Гибеф — остров Джибеф.
- ²⁹ Порни — остров Борнео.
- ³⁰ Силоли — остров Суматра.
- ³¹ Град Порни — столица княжества Бурней на острове Борнео.
- ³² Брег Солуский — остров Соло в архипелаге Сулу.
- ³³ Вигилон — остров Джайлоло.

³⁴ Г а р а н т и, М у т и л а, Ф е д о р а, М а р а, М а т ф и а н а — современные названия Молуккских островов Тарнат, Бакьян, Тидор, Моротай и Макьян.

³⁵ Б а д а — остров Бандан.

³⁶ Г у б а К а т и г а р с т е а — по-видимому, один из мысов южной оконечности Индокитайского полуострова, о котором писал Птоломей.

³⁷ А ф р и к и с к а я г у б а — мыс Доброй надежды.

³⁸ Д а р и о н с к я з е м л я — побережье Караибского моря вдоль территории современных Колумбии и Панамы.

³⁹ Б л а г я н а д е ж д а г у б а — мыс Доброй надежды.

⁴⁰ О с т р о в с я т ы м И а к о в ы м н а р и ц а е м ы и — остров Сант-Яго в архипелаге Зеленого мыса.
